

© 2012 г. В.В. ГЛЕБКИН

МЕТАФОРА МЕХАНИЗМА И ТЕОРИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ ЛАКОФФА – ДЖОНСОНА

В статье проведен анализ эволюции метафоры механизма в Античности и западном Средневековье. Показано, что такие метафоры, как «мир – это машина», «социум – это машина», «тело – это машина», возникают в раннем Средневековье, т. е. задолго до того, как машины начинают играть заметную роль в социально-экономической жизни. Причиной их появления являются кардинальные трансформации в представлениях о мире и человеке, произошедшие при переходе от Античности к Средним векам. Полученные результаты предоставляют новые возможности для развития теории концептуальной метафоры в рамках культурно-исторической парадигмы.

ВВЕДЕНИЕ

Метафора механизма является системообразующей для западной культуры Нового времени, сохраняя свое значение в качестве одного из базовых элементов западной культурной модели до сих пор. Образы человека, общества, мира в целом как сложно организованной машины или конкретных типов машин в изобилии встречаются на страницах философских и политических трактатов (Гоббс, Декарт, Лейбниц, Руссо и др.)¹, наполняют художественные и публицистические тексты (см. об этом [Naken et al. (eds.) 1993; Cook 2007] и др.). Механистический вектор в восприятии мира и человека отчетливо прослеживается и в русской культуре начиная с середины XIX в. В качестве показательной иллюстрации можно привести тексты Л.Н. Толстого, мировоззрение которого, на первый взгляд, кажется антимеханистическим (одним из сквозных мотивов его творчества, как известно, было противопоставление органических форм естественной жизни, таких как семья и община, механической формализованности политических и культурных институтов). Тем не менее в его мировоззрении заметны отчетливые механистические черты. Так, в письме А.А. Толстой (18–20 октября 1857 г.), сопровождая свою модель несколькими весьма выразительными чертежами, он описывает устройство человеческого мозга как систему движимых пружинами ящиков, разделенных на две части коридором:

Ящики могут выдвигаться по несколько с каждой стороны, оставляя проход в коридоре. Когда же, посредством хорошей погоды, лести, пищеваренья и т. п. пожата правая пружина, то все ящики сразу выскакивают, и весь коридор занимаетя ящиками правой стороны <...> и наоборот, когда дождик, дурной желудок, правда пожмут левую, тоже коридор весь загораживается... Кроме того, надо знать, что каждый ящик имеет пропасть подразделений. Подразделения зависят от человека. У одного делятся на придворные и не придворные; у другого на красивые и не красивые; у третьего на умные и глупые и т. д., и т. д., и т. д. У меня разделяются на воспоминания о хороших, очень хороших и серьезно хороших и людях ничего... Итак, сдучи верхом, пружина хорошего расположения пожалась, и ящики выскочили все. В том числе и ваш ящик. Потом ста-

¹ Характерным образцом, демонстрирующим тотальность механистической модели, являются первые строки «Левиафана» Гоббса [Гоббс 1991: 6].

ли убираться понемногу, а ваш ящик, бог знает по какому праву, выскочил весь, – стал поперек в коридоре и загородил всю дорогу [Толстой 1965: 172–173]².

Другой показательный пример представляют собой тексты отечественного историка В.О. Ключевского, которого также трудно упрекнуть в излишнем механицизме. Тем не менее механистические метафоры весьма частотны в его текстах. Например:

На мировые события летописец смотрит самоуверенным взглядом мыслителя, для которого механика общежития не составляет загадки: ему ясны силы и пружины, движущие людскую жизнь [Ключевский 1987–1990, 1: 113];

Внук Донского попал в такое счастливое положение, не им созданное, а им только унаследованное, в котором цели и способы действия были достаточно выяснены, силы направлены, средства заготовлены, орудия приспособлены и установлены, – и машина могла уже работать автоматически, независимо от главного механика [Ключевский 1987–1990, 2: 46].

Многие европейские и отечественные философы в XX – начале XXI в. пишут о серьезной опасности, связанной с подобными механистическими установками, и видят в них одну из основных причин глубокого кризиса, в котором оказалась современная им культура; см. [Гуссерль 1994: 95–100; Хоркхаймер, Адорно 1997: 40–45; Гайдено 2003: 9–29].

Сказанного выше уже достаточно для того, чтобы отнестись к описанию эволюции и социокультурных оснований метафоры механизма с полной ответственностью и рассматривать эту проблему как актуальную не только для лингвистики, но и других смежных с ней дисциплин. Однако стоит обратить внимание на еще один аспект, методологически важный, на мой взгляд, уже для когнитивной лингвистики. Анализ социокультурной эволюции метафоры механизма показывает значимость социокультурной составляющей при создании когнитивных моделей метафоры. В данной работе предметом анализа в этом аспекте будет теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Хотя основные идеи Лакоффа и Джонсона хорошо известны и неоднократно обсуждались в отечественной литературе, имеет смысл кратко напомнить их, включив в обзор исследования, появившиеся в последнее время.

Наверное, не будет большим преувеличением утверждать, что теория концептуальной метафоры – одно из оснований и, можно сказать, один из прототипических образцов для современной когнитивной лингвистики³. Наряду с этим она вместе с работами Серла в философии и Гибсона в психологии считается фундаментом парадигмы укорененного в природном и социокультурном окружении познания (*grounded cognition*) для обретающей в последние годы все большую значимость; см. [Barsalou 2010: 717]. Некоторые авторы даже называют эту теорию интеллектуальной революцией; см. [Kövecses 2005: 9].

Хотя многие идеи, положенные в основу данной теории, выдвигались ранее и самим Лакоффом, и другими лингвистами, в систематическом виде она была впервые изложена в монографии [Lakoff, Johnson 1980] и затем развита в других работах этих

² Ср. фрагмент из «Войны и мира», где ньютонианская модель выступает в качестве обоснования тонких психологических переживаний: *«До половины дороги, как это всегда бывает, от Кременчуга до Киева, все мысли Ростова были еще назади – в эскадроне; но перевалившись за половину, он уже начал забывать тройку саврасых, своего вахмистра Дожойвейку, и беспокойно начал спрашивать себя о том, что и как он найдет в Отрадном. Чем ближе он подъезжал, тем сильнее, гораздо сильнее (как будто нравственное чувство было подчинено тому же закону скорости падения тел в квадратах расстояний), он думал о своем доме; на последней перед Отрадным станции, дал ямщику три рубля на водку, и как мальчик задыхаясь вбежал на крыльцо дома»* (II, 4, 1), а также фрагмент из дневника Толстого: *«В глубокой старости обыкновенно думают и другие и часто сами старики, что они только доживают век. Напротив, в глубокой старости идет самая драгоценная, нужная жизнь и для себя, и для других. Ценность жизни обратно пропорциональна в квадратах расстояния от смерти. Хорошо бы было, если бы это понимали и сами старики, и окружающие их»* (18 февраля 1906 г.).

³ В литературе по когнитивной лингвистике Лакофф упоминается как один из ее основателей наряду с Р. Лангакером и Л. Талми. См. [Geeraerts, Cuyskens 2007: 3]; ср. [Winters 2010: 3, 5].

исследователей, наиболее важными из которых являются [Johnson 1987; 2007; Lakoff 1987; Lakoff, Johnson 1999]. Базовый мировоззренческий постулат, на который опираются авторы, можно сформулировать следующим образом:

Все происходящие в человеке когнитивные процессы имеют своим основанием пласт когнитивного бессознательного⁴, формирующийся в процессе непрерывного взаимодействия человека как телесно-духовной целостности и его природного и социокультурного окружения. Перцептивная и проприоцептивная составляющие играют в когнитивном бессознательном определяющую роль⁵.

Отталкиваясь от данного постулата, авторы предлагают модель формирования семантической составляющей языка и ее освоения людьми, ядро которой выражается в следующих тезисах:

- При описании процесса категоризации различных объектов методологически важно выделить из всего массива категорий особую группу, называемую «категории базового уровня». Это наиболее высокий уровень, на котором члены категории имеют похожие визуальные образы и формируют у взаимодействующего с ними человека близкие по структуре моторные схемы («стул», но не «мебель» и не «вращающийся стул»)⁶. Когда человек слышит или видит слова, обозначающие понятия базового уровня, в его мозгу активируются «некоторые из тех же сенсомоторных нейронных кластеров, которые активируются и при реальной перцепции или движении, вызванном взаимодействием с соответствующими данным понятиям объектами»⁷ [Johnson 2007: 160]⁸. Другими словами, такие понятия формируются как непосредственное отражение нашего повседневного перцептивного и двигательного опыта. Осваиваясь нами раньше всего, они создают основу для освоения абстрактных областей языка.

- «Абстрактные понятия в большинстве своем имеют метафорическую природу» [Lakoff, Johnson 1999: 3]. Они возникают и осваиваются людьми через систему связей с понятиями базового уровня, благодаря обретению перцептивных точек опоры. Для описания процесса формирования таких связей авторы вводят понятие концептуальной метафоры, имеющее следующую структуру: область-источник (понятия базового уровня, например, «движение»), область-цель (абстрактные понятия, например, «время») и система проекций области-источника на область-цель (в данном случае время – это движение: *день пролетел незаметно; час расплаты неумолимо приближался* и т.д.)⁹.

- Важными инструментами для построения подобных проекций являются образные схемы (image schemas), т. е. устойчивые, воспроизводимые перцептив-

⁴ См. об этом понятии [Lakoff, Johnson 1999: 12–13; Johnson 2007: 139].

⁵ М. Джонсон находит философские основания их теории в трудах И. Канта, У. Джеймса, Дж. Дьюи и экологической парадигме Дж. Гибсона [Gibson 1979]; см. [Johnson 1987; 2005; 2007]. Следует сказать, что в той или иной формулировке приведенный постулат лежит в основе парадигмы grounded cognition. В частности, на него опираются авторы двух претендующих на фундаментальность теорий в области когнитивной семантики, появившихся в последние годы: Л. Барсалюу (the language and situated simulation (LASS) theory) и В. Эванс (the theory of lexical concepts and cognitive models (LCCM)). См. [Barsalou 1999; Barsalou et al. 2008; Evans 2009].

⁶ См. [Lakoff 1987: 58–67; Lakoff, Johnson 1999: 27–28]. Авторы опираются здесь на исследования Э. Рош, которой, собственно говоря, и принадлежит идея выделения категорий базового уровня. См. [Rosch 1978].

⁷ Если переводчик не указан, перевод осуществлен автором статьи.

⁸ Здесь Джонсон опирается на результаты многочисленных психолингвистических экспериментов, осуществленных в последние десятилетия. Их описание см. в [Glenberg et al. 1987; Matlock 2004; Yeh, Barsalou 2006; Bergen 2007] и др.

⁹ Примеры подобных схем, адаптированных до уровня учебного материала, см. в [Kövecses 2010: 7–15].

ные модели, обладающие внутренней структурой, которая может транслироваться в другие области и наполняться новым содержанием¹⁰. Примерами таких схем являются: вместилище (container), силовое воздействие (compulsive force), баланс (balance), исходная точка – путь – цель (source – path – goal), вертикальность (verticality или up-down), центр – периферия (centre – periphery) и др.; см. [Johnson 1987: 18–138; 2007: 21–24, 136–152]¹¹. Так, за образной схемой б а л а н с, по Джонсону, стоят три базовые перцептивные модели: способность к прямохождению и удерживанию равновесия в различных ситуациях (например, при езде на велосипеде); ощущение равного веса или равной нагрузки в каждой руке; ощущение гомеостаза (можно сказать, проприоцептивного равновесия) в телесных органах, нарушение которого в ту или иную сторону выражается в чувстве голода, жажды, переедания и т.д. Первой метафорической проекцией этих перцептивных моделей является идея зрительного равновесия, т.е. способность воспринимать некоторый объект как равновесный, даже если в нем нет строгой симметрии¹². Следующий уровень метафоризации этой структуры представляет собой перенесение идеи равновесия на абстрактную область, например на описание процесса полемики, ср.: *эти аргументы имеют равный вес, это уже более весомый аргумент, он был раздавлен тяжестью моих аргументов* и т.д.

Работы Лакоффа и Джонсона задали проблемное поле, к обсуждению которого активно подключились другие исследователи, развивающие идеи авторов, уточняющие или критикующие их. (Анализ значительного массива таких работ см. в [Lakoff, Johnson 1999: 46–59; Kövecses 2005; Gibbs 2006: 79–122].) Не претендуя здесь на анализ всего спектра проблем, я бы хотел остановиться на роли социокультурных факторов в теории концептуальной метафоры. Хотя Лакофф и Джонсон упоминают социокультурный контекст как одну из составляющих процесса порождения и понимания концептуальных метафор, в целом социокультурный анализ находится на глубокой периферии их теории. Устройство человеческого тела – фундаментальная константа для человеческого рода в целом, и идея «телесных проекций» (embodiment) предполагает единый для всех людей способ описания. Лингвисты, тяготеющие к социокультурному пониманию языка, ощущают здесь серьезную лакуну и на широком и разнообразном материале показывают значимость культурных факторов в установлении соответствий между областью-источником и областью-целью. Основное направление исследований здесь состоит в сопоставлении первичных метафор в различных культурах и попытке связать различия между такими метафорами с культурными различиями; см. [Heine 1995; Quinn 1991]; ср. [Deignan 2003; Yu 2009]. Как иллюстрацию можно привести анализ базовых метафор, описывающих категорию жизни, для современных американцев и венгров. Исследование показало, что метафоры «жизнь – это война», «жизнь – это компромисс» более типичны для венгров, тогда как метафоры «жизнь – это драгоценность» и «жизнь – это игра» – для американцев. Полученные результаты связывают с особенностями американской и венгерской истории: для венгров доминантой их исторического пути была борьба за выживание и сохранение культурного своеобразия, перед американцами же стояли принципиально иные политические и социальные задачи [Kövecses 2005: 241].

¹⁰ Термин «образная схема» (image schema) был впервые введен М. Джонсоном в [Johnson 1987] и затем воспроизведен в [Lakoff 1987]. Эволюцию взглядов Джонсона можно проследить по работам [Johnson 2005; 2007]. Другие интерпретации данного термина см., например, в [Hampe, Grady (eds.) 2005].

¹¹ Названия схем в указанных работах несколько различаются; в этих случаях я привожу наиболее поздний вариант.

¹² Джонсон приводит здесь интересные иллюстрации этого утверждения: африканскую ритуальную маску kifwebe и скульптурные изображения [Johnson 1987: 91–92]. Ср. предложенную им модель корреляции перцептивных и визуальных моделей с концепцией «зеркальных нейронов» Дж. Ризоллатти [Rizzolatti, Craighero 2004; Rizzolatti, Sinigaglia 2007; Rizzolatti, Fabbri-Destro 2010].

Работы подобного рода задают направление развития теории концептуальной метафоры, открывающее перспективу для включения в нее не только соматического, но и социокультурного пласта. Контуры такой теории предложены, например, в уже упомянутой монографии З. Ковечеша, выделяющего три базовых источника для концептуальных метафор: соматический опыт, социокультурные практики и когнитивные предпочтения и стили [Там же: 231–246].

Полностью соглашаясь с тезисом о значимости социокультурной составляющей при анализе концептуальных метафор и признавая важность подобных работ, я должен тем не менее заметить, что большинство из них обладает двумя существенными недостатками.

Во-первых, теоретически допуская, что метафорическая система языка может эволюционировать со временем, на практике упомянутые исследователи работают с ней как со статичной структурой¹³. Когда та или иная первичная метафора появляется в языке? Почему она появляется именно в этот период, а не ранее или позднее? Такие вопросы не принято задавать в указанных рамках, однако они оказываются важными для понимания социокультурной природы ряда базовых метафор. Например, метафора «время – деньги» (выраженная в таких оборотах, как *тратить время, занимать время, транжирить время* и т. д.) появляется в русском языке лишь с середины XIX в. одновременно с интенсивным развитием капиталистических отношений и практически не встречается до этого¹⁴. Хотя авторы теории когнитивной метафоры считают эту метафору первичной (возможно, с некоторыми социокультурными особенностями)¹⁵, мы видим ее глубинную связь с социально-экономическим контекстом.

Во-вторых, крайне редко встречаются работы, в которых исследуется обратное влияние абстрактных понятий на формирование первичных метафор¹⁶. Утверждение о том, что движение от области-цели к области-источнику – это движение от категорий базового уровня к абстрактным категориям, не предполагающее обратного процесса, воспринимается большинством исследователей концептуальной метафоры как трюизм. Тем не менее анализ метафоры механизма показывает, что это не всегда так.

Метафора механизма признается авторами теории концептуальной метафоры одной из базовых [Johnson 1987: 130–131; Kövecses 2010: 156–161]. Основными видами этой метафоры являются «тело – это машина», «мозг – это машина», «общество (государство, демократия и т.п.) – это машина». Такие метафоры широко распространены как в повседневной речи, так и в журналистике и в научной литературе¹⁷. В то же время машина – это не человеческое тело, и во многих случаях ее работа скрыта от непосредственной перцепции. Уже этот факт наводит на мысль, что для полноценного понимания метафоры механизма мы должны привлечь социокультурные факторы. Крайне про-

¹³ Существует ряд работ, использующих диахронический подход к описанию метафор. Прежде всего, здесь следует отметить исследования, связанные с дискурсивным анализом метафор; см. [Musolff, Zinken (eds.) 2009; Musolff 2010]. Диахронический анализ (не всегда, на мой взгляд, осуществленный с должной степенью глубины) лежит также в основе часто цитируемой работы [Sweetser 1990]. Следует, однако, признать, что упомянутые работы «не делают погоды» в описываемой области.

¹⁴ Это показано, например, в учебной работе П. Зябухиной «Метафора “время – деньги” в русской литературе», выполненной в 2009 г.

¹⁵ См., например [Lakoff, Johnson 1980: 7–9], а также [Kövecses 2005: 142–151].

¹⁶ В качестве редкого исключения можно назвать работы [Geeraerts, Grondelaers 1995; Gevaert 2005; Geeraerts 2006: 227–251], выявляющие культурные основания базовых метафор гнева.

¹⁷ Приведу два примера из современного русского языка: *В Европе последующие реформы воздвигнутых революцией институтов восстанавливают равновесие и систему сдержек внутри государственной машины, а также между государством и гражданским обществом...* [С. Пашин. Краткий очерк судебных реформ и революций в России (2003)]; *Но мне плевать на это, лишь бы не мешало работе, не сбавляло темпа, мозг прямо-таки живой компьютер, главное, чтобы никто не помешал, иначе собьешься, и тогда прощай порыв...* [Ю. Азаров. Подозреваемый (2002)] [НКРЯ].

дуктивным и во многом неожиданным в данном случае оказывается выход за пределы современности и обращение к истории культуры, или, точнее, анализ формирования и эволюции данной метафоры в Античности и западном Средневековье.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ МЕХАНИЗМОВ В КЛАССИЧЕСКОЙ И ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Говоря о семантических образах механизмов в Античности, мы должны прежде всего заметить, что концептуализация мира и человеческой деятельности в тот период кардинально отличалась от привычной нам. В частности, труд скульптора, инженера, строителя и ремесленника воспринимался как единый тип деятельности и обозначался словом *τέχνη* (искусство или ремесло, другими словами деятельность, осуществляемая руками) в противоположность *ἐπιστήμη* (наука, знание, т. е. интеллектуальная деятельность)¹⁸. В качестве яркого примера таких представлений можно привести историю Дедала, знаменитого персонажа древнегреческой мифологии. В соответствии с древними источниками, он был выдающимся скульптором (D.S. IV, 76, 1–3; Apollod. II, 6, 3; Paus. 7, 4, 4–7; 9, 11, 4–5; 9, 39, 8; 9, 40, 3–4), инженером (D.S. IV, 76, 1–9; Apollod. III, 1, 4), архитектором (D.S. IV, 76, 2). Эти весьма различные для нас виды деятельности связывались идеей подражания природе. Вследствие этого некоторые из его произведений, которые мы обычно воспринимаем как механизмы (т. е., следуя традиционному определению, совокупности взаимосвязанных элементов, предназначенные для передачи или преобразования механической энергии с целью совершения полезной работы), интерпретировались древнегреческой культурой в принципиально ином ключе. Античные авторы подчеркивали способность Дедала подражать природе и восхищались точности подражания (D.S. IV, 76, 2; Apollod. II, 6, 3). Искусство Дедала не было искусством воздействия на природу и преобразования ее для человеческих нужд, оно было искусством подражания природе. Это относится и к наиболее популярному «механическому» творению Дедала – созданной им деревянной корове. Слово «механический» здесь не случайно взято в кавычки. Хотя Диодор Сицилийский называет это создание Дедала *μηχανήμα* ‘механическое устройство’ в противоположность понятиям *εἰκών* ‘изображение, изваяние’ или *ἄγαλμα* ‘статуя’, которые обычно использовались для наименования творений Дедала в древнегреческих текстах, главная цель этого «механического устройства» состояла не в том, чтобы совершать полезную работу, а в том, чтобы посланный Посейдоном Миносу бык воспринял сделанную Дедалом корову как настоящую и пожелал совокупиться с ней (Apollod. III, 1, 4; D.S. IV, 77, 1–2).

Учитывая сделанные замечания, я определяю семантические образы механизмов как семантические структуры слов, соответствующих объектам, которые функционировали в качестве механизмов (в современном понимании) в повседневной жизни древних греков, хотя интерпретация этих объектов древнегреческой культурой могла существенно отличаться от привычной нам. Обращаясь к словарю Лидделла–Скотта [Liddell, Scott 1961], мы находим только пять семантически связанных с механизмами слов, сколь-нибудь частотных в древнегреческих текстах: *μηχανή*, *μηχανάομαι*, *μηχανεύς*, *μηχανήμα* и, до определенной степени, *μηχανικός*. Наиболее важным из них является слово *μηχανή*, появляющееся в этих текстах около 260 раз¹⁹. Согласно Лидделлу и Скотту, его первым значением является «механическое приспособление, устройство (contrivance), в первую очередь, машина для подъема грузов» с выделением специальных случаев: «осадная машина», «театральная машина, благодаря которой боги появлялись в воздухе во время спектакля»²⁰. Например:

¹⁸ В рамках данной статьи у меня нет возможности обсуждать понятие *τέχνη* в деталях. Подробный анализ см. в работах [Rooschnik 1996; Roberts 2007; Angier 2008] и др.

¹⁹ Здесь я использую базу данных Perseus digital library (<http://www.perseus.tufts.edu>).

²⁰ Непосредственный анализ текстов подтверждает указанные словаря и показывает, что данное значение в них доминирует.

Он [Перикл] построил также осадные машины (κατεσκευάσθη δὲ καὶ μηχαναί), называемые «бараны» и «черепашки», сделав это первым из всех. Построил их ему Артемон из Клазомен. Осаждая город с удвоенной энергией и разрушив стены осадными машинами (ταῖς μηχαναῖ καταβαλὼν τὰ τεῖχη), он подчинил себе Самос²¹ (D.S. XII, 28, 3).

Мы можем видеть в данном примере, что действия осадной машины вполне удовлетворяют современному определению механизма: она совершает полезную для ее создателей работу, преобразуя механическую энергию. В этом случае машина не подражает природе, она выполняет «техническую» функцию, служа средством для достижения главной цели: подавить сопротивление осаждаемого врага. Подчеркну, что подобных описаний в древнегреческих текстах довольно много. Следуя современным метафорическим схемам («мозг – это компьютер» и т. д.), мы могли бы ожидать здесь появления таких метафор, как «σῶμα – это μηχανή» («тело – это машина»), например: *его руки работали как осадная машина*. Однако расширение базового значения происходит в принципиально ином направлении.

В соответствии со словарем Лидделла–Скотта, второе значение *μηχανή* – «хитроумное изобретение, конструкторская идея». Проиллюстрируем его примером из платоновского «Пира»:

И вот Зевс и прочие боги стали совещаться, как поступить с ними [людьми], и не знали, как быть: убить их, поразив род людской громом, как когда-то гигантов, – тогда боги лишатся почестей и приношений от людей; но и мириться с таким бесчинством тоже нельзя было. Наконец Зевс, насилу кое-что придумав, говорит:

– Кажется, я нашел способ (δοκῶ μοι εἶχειν μηχανήν) и сохранить людей, и положить конец их буйству, уменьшив их силу. Я разрежу каждого из них пополам, и тогда они, во-первых, станут слабее, а во-вторых, полезней для нас, потому что число их увеличится. И ходить они будут прямо, на двух ногах. А если они и после этого не угомонятся и начнут буйствовать, я, – сказал он, – рассеку их пополам снова, и они запрыгают у меня на одной ножке (Plat. Sym., 190c, пер. С.К. Апта)²².

Два указанных значения исчерпывают культурные смыслы, стоящие за употреблением *μηχανή* в древнегреческих источниках. Мне не удалось найти в этих текстах метафор «мир – это механизм», «тело – это механизм», «общество – это механизм» или иных концептуальных метафор в понимании Лакоффа и Джонсона. Мы видим, что первое значение связывает со вторым идея оригинального конструкторского решения. Сначала мы наблюдаем метонимический сдвиг от самих устройств, выступающих для *μηχανή* в качестве прототипов (в первую очередь, осадная машина), к замыслам их создателей, а затем метафорическое расширение значения от моделей для создания механизмов подобного рода до любого находчивого решения нестандартной проблемы. Другими словами, *μηχανή* для древних греков – это, в первую очередь, сложно устроенный продукт человеческой деятельности, результат изобретательности человека. Компонент «устройство для выполнения полезной работы» оказывается на глубокой периферии этой семантической структуры.

Возникает естественный вопрос, почему это происходит. Можно было бы попытаться объяснить данный факт незначительной ролью машин в социальной и экономической жизни Древней Греции, однако эта роль оказывается вполне весомой для того, чтобы рассматривать *μηχανή* как образец для оригинальной, нестандартной идеи или действия. Более того, в дальнейшем мы увидим, что в данном случае прямая зависимость между социально-экономической ситуацией и появлением новых метафорических моделей отсутствует. Причины здесь следует искать в фундаментальных культурных установках, в значительной степени определивших облик древнегреческой культуры. Хотя эти установки хорошо известны, имеет смысл напомнить их.

²¹ См. также (Her. 2.125; Aesch. Sept. 132; Thuc. 2.76; Pl. Crat. 425d, Clit. 407a) и т. д.

²² См. также (Her. 2.160, 3.83, 3.152; Eur. Andr. 66, I.T. 112; Pl. Sump. 191b) и т. д. Из этих примеров видно, что такое хитроумное решение далеко не всегда связано с конструкторской деятельностью.

Во-первых, древние греки воспринимали космос²³ (κόσμος) как наиболее совершенную сущность и человека как космос в миниатюре, микрокосм. Так, Платон утверждал, что «бог, пожелавши возможно более угодить миру (κόσμος) прекраснейшему и вполне совершенному среди мыслимых предметов, устроил его как единое видимое живое существо, содержащее все сродные ему по природе живые существа в себе самом» (Pl., Tim. 30d–31a, пер. С.С. Авсринцева), и говорил о его максимально возможном совершенстве. Аристотель полагал, что νοῦς (Ум) «как действующее начало в космосе представляется наиболее божественным (ἑσιότατον) из всего являющегося нам» (Arist. Metaph. XII 1074b16–17, пер. А.В. Кубицкого) и все вещи стремятся к нему как к высшему совершенству (Там же: 1072a20–1073b13). Исходя из этого мы можем заключить, что природные создания являются образами космоса и в этом аспекте принципиально отличаются от рукотворных объектов. По Аристотелю, каждый природный объект «имеет в самом себе начало движения и покоя, будь то в отношении места, увеличения и уменьшения или качественного изменения», в противоположность таким вещам, как ложе, плащ и т. д., которые «поскольку образованы искусственно, не имеют никакого врожденного стремления к изменению» (Arist. Phys II 192b8–30, пер. В.П. Карпова). Другими словами, между вещами, возникшими естественно, и вещами, возникшими искусственно, существует громадное различие, и первые намного более совершенны, чем последние, в силу их значительно большей самодостаточности и независимости от внешних факторов.

Во-вторых, одной из определяющих черт полиса как экономической, политической и социальной системы была жесткая оппозиция между свободными и рабами, которая имела онтологические основания. Считалось, что рабы рождены для выполнения грубой физической работы, тогда как свободные – для осуществления различных форм интеллектуальной деятельности²⁴. Это представление проясняет оппозицию «естественное – искусственно созданное»: вещи, существующие по природе, имеют начала своих действий в себе самих (соответствуя в этом отношении свободным людям), в то время как искусственно созданные объекты, как и рабы, движимы внешней силой. Кроме этого, эта культурная установка порождает еще одну фундаментальную черту античной системы ценностей: созерцание идеальных структур и искусство управления оказываются гораздо более совершенными видами деятельности, чем создание или преобразование материальных объектов. Так, упомянутый выше νοῦς «мыслит сам себя через сопричастность предмету мысли: он становится предметом мысли, соприкасаясь с ним и мысля его, так что ум и предмет его – одно и то же» (Arist. Metaph. XII 1072b19–23, пер. А.В. Кубицкого)²⁵. Созерцание является также высшей формой деятельности для людей (Arist. Nic. Eth. 1177a17–20)²⁶. Возможно, одной из наиболее удачных иллюстраций такого пренебрежения к ручному труду является высказывание Плутарха:

Кто занимается лично низкими предметами, употребляя труд на дела бесполезные, тот этим свидетельствует о пренебрежении своим к добродетели. Ни один юноша, благородный и одаренный, посмотрев на Зевса в Писе, не пожелает сделаться Фидием, или, посмотрев на Геру в Аргосе, – Поликлестом, а равно Анакреонтом, или Филемоном, или Архилохом, прельстившись их сочинениями: если произведение доставляет удовольствие, из этого еще не следует, чтобы автор его заслуживал подражания (Plut. Per. 2.1–2, пер. С.И. Соболевского).

И в-третьих, следует отметить еще одну важную черту древнегреческой культуры, относящуюся к идее изобретательности, которая обычно связывается в текстах с вне-

²³ Наши ассоциации, связанные со словом «космос», отличаются от образов, возникавших у древнего грека. И однокоренные слова (κόσμησις ‘украшение’, κοσμητής ‘уборщик, румянщик’, κοσμητήρ ‘устроитель войска, вождь, повелитель’), и сама семантика слова κόσμος – ‘украшение, наряд, краса, честь, слава, порядок, государственное устройство, строгие, мир, вселенная, небо’ указывают на связь представлений о космосе с идеей порядка, упорядоченности. Ср. с русск. *косметика*.

²⁴ Аристотель прямо говорит об этом в «Политике», см., например (1254b27–33).

²⁵ См. также (Parmen. Fr. 7; Arist. Metaph. XII 1074b15–1075a10).

²⁶ См. также (Pl. Smp. 210e–211b; Phd. 107c–108c; RP VII 514a–517c).

запным озарением, ведущим к решению сложной проблемы. Как кажется, эта черта объясняет направление описанного выше семантического сдвига от прямого значения *μηχανή* к переносному. Речь идет о культурной функции мантиса (*μάντις*), т. е. прорицателя, предсказателя, деятельность которого имела в древнегреческом обществе важнейшее социальное значение. Мантисы истолковывали оракулы богов, знаки, оставляемые богами людям, и такая способность улавливания и правильной интерпретации божественной воли. Такая «чувствительность к трансцендентному» была присуща не только им, но и ряду почитаемых политиков и военачальников, и в целом, с точки зрения греков, отличала их от других народов²⁷. Более того, эта способность потом была перенесена на природу, и с Геродота объяснение различных «загадок» природы, таких как разливы Нила или прочность египетских черепов, проникает на страницы исторических и философских текстов; см., например (Her. 2.19–22, 3.12)²⁸. В описанных рамках деятельность инженера и художника оказывается амбивалентной: с одной стороны, продукты этой деятельности – не более чем бледные копии реальности, с другой – искусство подражания природе, опирающееся на умение отгадывать ее загадки, воспринимается как важная способность, присущая человеку, и остается в памяти культуры.

Подводя итоги проведенного анализа, я хотел бы подчеркнуть, что три выделенных фундаментальных элемента определили специфику семантических образов механизмов в Древней Греции.

Ситуация в римской культуре напоминала описанную выше. В соответствии с данными Оксфордского латино-английского словаря [Dictionary 1968–] мы можем найти в латинском языке следующие слова с нужной семантикой: *machina*, *machinatio*, *machinor* и, до некоторой степени, *machinatus*, *machinator*, *machinamentum*. *Machina* – наиболее частотное и наиболее важное из них. Его базовое значение – «механизм, т. е. искусственно сделанное устройство для совершения работы», что вполне соответствует древнегреческому пониманию. Второе значение также тесно коррелирует с древнегреческим: «схема, план, изобретательная выдумка», особ. «уловка, хитроумный трюк». Более подробный анализ текстов показывает близкое соответствие семантических структур греческого *μηχανή* и латинского *machina*, и мы можем заключить, что, несмотря на неоднократно подчеркиваемый римлянами практический характер их восприятия мира, механистические метафоры здесь не более популярны, чем в Древней Греции. Одним из очевидных объяснений этому может служить сильнейшее влияние, которое древнегреческая культура в целом оказала на римскую²⁹.

За исключением единственного фрагмента из поэмы Лукреция «О природе вещей», мне не удалось найти в римских текстах таких метафор, как «мир – это машина», «человек – это машина», «социум – это машина». Фрагмент Лукреция достаточно интересен, чтобы остановиться на нем подробнее:

Впрочем, не буду томить я тебя обещаньями дольше.
Прежде всего, посмотри на моря, на земли и небо;
Все эти три естества, три тела отдельные, Меммий,
Три столь различные формы и три основные силетенья
Сгинут в какой-нибудь день, и стоявшая долгие годы
Рухнет громада тогда, и погибнет строение мира (*multosque per annos
sustentata ruet moles et machina mundi*).

(5.91–96, пер. Ф.А. Петровского)

²⁷ См. (Her. 1.67–68, 5.92, 7.57, 7.140–141). Уточню, что речь здесь идет о «доперикловой» системе ценностей, отраженной, например, у Гомера и Геродота. Во второй половине VI в. до н. э. этой системе ценностей противопоставляется другая, основу которой составляют религиозный скептицизм и холодный политический расчет. Столкновение двух ценностных систем ярко выражено, например, в диалоге афинян и мелосцев в «Истории» Фукидида (Thuc. 5.84–116).

²⁸ Подробнее об этом см. в [Глебкин 2002: 129–148].

²⁹ Можно вспомнить здесь знаменитые строки Горация: *Graecia capta ferum victorem cepit et artes intulit agresti Latio* (Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, // В Лаций суровый искусства внесла) (Epist. 2.1.156–7).

Образ *machina mundi*, как мы уже отмечали, не встречается ни у древних греков, ни у римлян, противореча ряду базовых установок античной культуры. Тем не менее он прекрасно соотносится с атомистической парадигмой Лукреция. Исходя из этой парадигмы каждая вещь представляет собой систему, состоящую из множества связанных между собой элементов (атомов), т.е. нечто соответствующее по своей структуре механизму. Однако даже у Лукреция данное место единственное, где присутствует подобная метафора, да и здесь речь скорее идет о громадных размерах мира (*moles et machina mundi*), чем о его структуре.

Итак, подводя итог, мы можем сказать, что концептуальные метафоры механизма отсутствуют в Античности.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ МЕХАНИЗМОВ В ЗАПАДНОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

В Средние века положение дел кардинально изменяется. Для того, чтобы продемонстрировать характер и масштаб произошедших в этот период трансформаций, мы обратимся к наиболее полному, пожалуй, на данный момент собранию теологических, исторических, философских текстов с начала II по XIII столетие – к латинской Патрологии Миня (далее PL) [Patrologia Latina]³⁰. Тщательное исследование семантических образов механизмов, представленных во всех 220 томах собрания, потребовало бы, по крайней мере, монографии, поэтому я ограничусь анализом всех случаев употребления слова *machina* в 1–47 и 182–221 томах Патрологии. Первая выборка включает в себя авторов от Тертуллиана до Августина, т.е. тексты с конца II по первую треть V в., вторая – авторов от Бернарда Клервоского до папы Иннокентия III, т.е. тексты XII в. Эти подборки соответствуют первому и пятому CD в электронном издании Патрологии, т.е. объемы анализируемого текста приблизительно равны. Такой анализ даст нам возможность проследить семантические трансформации слова *machina* при переходе от Античности к раннему Средневековью и дальнейшую семантическую эволюцию в западной средневековой культуре.

Результаты анализа представлены в таблице 1. В таблице приведены следующие данные: число появлений слова *machina* в любой из форм в каждом из выделенных значений, общее число появлений и выраженная в процентах относительная частота. Также в ней указано число авторов, употребляющих это слово в этом значении, их частота по отношению к авторам, просто употребляющим его в данных томах Патрологии, а также по отношению к общему числу авторов, представленных в этих томах. Статистика приведена отдельно для 1–47 и 182–221 тт. Так, запись «14 авторов (41,1%, 13,9%)» означает, что в 1–47 тт. слово *machina* в первом значении употребляет 14 авторов, что составляет 41,1% от числа авторов, употребляющих его в этих томах, и 13,9% от общего числа авторов, представленных в них. Следует отметить, что авторы обычно используют слово в нескольких значениях, поэтому суммарный процент в соответствующих им столбцах превосходит 100%.

Приведенные данные требуют развернутого комментария, который мы начнем с тт. 1–47. Как видно, 34 автора (т.е. 36,6% от общего числа авторов, представленных в этих томах) используют слово *machina* по крайней мере однажды, общее количество появлений слова в данном массиве текстов равно 127³¹.

³⁰ Несмотря на то, что со времени первого издания прошло уже более полутора веков и это собрание в определенной степени устарело, оно до сих пор остается весьма авторитетным среди медиевистов, и для проведенного в данной работе анализа, носящего статистический характер, Патрологию можно считать оптимальным вариантом.

³¹ Это число получено путем суммирования всех случаев появления слова *machina* в любых формах за единственным исключением: я считал как один «языковой факт» все упоминания одного объекта (например, конкретной осадной машины) или одинаковых по типу объектов в рамках одного описания (одна осадная машина... другая осадная машина) в исторических хрониках.

Семантическая структура слова *machina* в Средние века

Значения	Тт. 1–47 (конец II – первая треть V в.)		Тт. 182–221 (XII в.)	
	появление слова	авторы	появление слова	авторы
Осадная машина, машина для подня- тия грузов и т.д.	46 36,2%	14 41,2%, 13,9%	169 55,8%	30 37%, 19,5%
Хитроумный замы- сел или действие, коварная идея	57 44,9%	18 53%, 17,8%	67 22,1%	31 38,3%, 20,1%
Физический или социальный объект (мир, тело, церковь и т.д.) как механизм	24 18,9%	14 41,2%, 13,9%	67 22,1%	31 38,3%, 20,1%
Всего появлений слов	127		303	
		(34 из 101 автора) (36,6%)		(81 из 154 авторов) (52,6%)

Первая группа значений совпадает с античным пониманием: ‘осадная машина’, ‘машина для поднятия грузов’ и т.д. Например:

Отброшенный им [Иосифом Флавием], Веспасиан вновь возвращается к осаде города, сотрясает стены осадными машинами (*machinis murum quatit*) и таранит их (*Ambrosius Mediolanensis, De exidio urbis Hierosolymitanae, I, 10; PL 015, 2079B*).

Вторая группа значений, на первый взгляд, также напоминает античную: ‘хитроумный замысел, коварная идея’. Однако более внимательный взгляд выявляет и существенные расхождения между ними. Прежде всего, мы находим, что система связей между первой и второй группами значений в Средние века заметно отличается от античной. В Античности эти группы связывала идея изобретательности, находчивости, в Средневековье же ситуация заметно иная: такие процессы, как битва, осада, строительство здания, переносятся на абстрактные сущности и становятся областью-источником для концептуальной метафоры. Приведу две иллюстрации данного утверждения:

Ты поступил очень основательно и заботливо, милейший брат, отправив к нам аколита Никифора, который передал нам радостную весть о славном возвращении исповедников и вполне оснастил нас против новых губительных замыслов Новатиана и Новата, готовящих нападение на Церковь Христову (*adversus Novatiani et Novati novas et perniciosas ad impugnandam Christi Ecclesiam machinas plenissime instruet*) (*Cornelius papa, Epistola VII; PL 003, 725B–726A*);

Укреплен ведь Град Божий... Он защищен со всех сторон башнями, откуда может быть замечен Дьявол, если начнет приближаться. Есть у Дьявола войска, которыми он пользуется, чтобы осаждать обитающие в Граде Божьем души, подводить осадные машины (*consuevit admovere machinas*) для захвата укрепленных башен (*Ambrosius Mediolanensis, Enarrationes in XII psalmos Davidicos; PL 014, 1154C*).

Следует заметить, что, хотя метафоры осады или битвы не исчерпывают весь спектр возможностей в данной группе значений, они наглядно демонстрируют две важные черты в задающей ее семантической структуре. Во-первых, хитроумная идея в этих

фрагментах – это не внезапное озарение, наподобие мысли, неожиданно пришедшей на ум Зевсу в «Пире» Платона, это замысел с весьма сложной и продуманной структурой, система рационально связанных элементов, ментальная конструкция. Во-вторых, такой замысел чаще всего трактуется в источнике негативно. Обычно авторами *machina* в этом значении являются Дьявол и другие враги Бога (40 случаев из 57; 70,2%). Христианской доблестью является простота, а не изобретательность и хитрость.

Вторая подгруппа значений в рамках данной группы обращает нас к метафоре строительства. Она наиболее частотна у Августина. Так, в одной из своих проповедей он проводит параллель между Рождеством, земной жизнью и Распятием Христа и инструментами, используемыми в строительстве. Эти инструменты выполняют вспомогательную функцию и отбрасываются после того, как здание построено, однако здание будет стоять века; аналогично земная жизнь Христа – это инструмент (*machina*) для того, чтобы построить здание христианской церкви, возглавляемой Христом, восседающим на небе³².

Важно отметить, что парадигмой для метафоры строительства здесь оказывается творение мира Богом, который выступает в данном контексте как гениальный инженер и вдохновенный мастер, создающий вещь, громадную по размерам и невероятно сложную по организации. Это наглядно видно, например, из следующего фрагмента «Исповеди» Августина:

Как же создал Ты небо и землю, каким орудием пользовался в такой великой работе (*quae machina tam grandis operationis tuae*)? Ты ведь действовал не так, как мастер, делающий одну вещь с помощью другой. Душа его может по собственному усмотрению придать ей тот вид, который она созерцает в себе самой внутренним оком. А почему может? Только потому, что Ты создал ее. И она придаст вид веществу, уже существующему в каком-то виде, например земле, камню, дереву, золоту и тому подобному, а если бы Ты не образовал всего этого, откуда бы оно появилось? Мастеру тело дал Ты; душу, распоряжающуюся членами его тела, – Ты; вещество для его работы – Ты; талант, с помощью которого он усвоил свое искусство и видит внутренним зрением то, что делают его руки, – Ты; телесное чувство, которое объясняет и передает веществу требование его души и извещает ее о том, что сделано, – Ты; пусть она посоветуется с истиной, которая в ней живет и ею руководит, хороша ли работа. И все это хвалит Тебя, Создателя всего (Aug. Conf. 11, V, 7; PL 32, 811; пер. М.С. Сергеев).

Из этого фрагмента наглядно видно, что все акты человеческого творчества, все проявления и воплощения творческой энергии человека для Августина лишь бледные тени процесса божественного творения, и что Бог-Творец здесь – высший авторитет для Человека-Творца. Такой образ Бога помогает нам понять структуру третьей группы значений. Космос и его части, воспринимавшиеся как самодостаточные сущности в Античности, превращаются теперь в творения Бога, обозначаемые как *machinae*. Наиболее часто так называется универсум (*mundus*) (12 случаев из 24; 50%), но также небо (*coelum*) (6 случаев; 25%), тело (*corpus*) (5 случаев; 20,8%), животное (*animal*) (1 случай; 4,2%). Следует обратить внимание на принципиальную разницу между данной и предыдущей группами значений: такие сущности, как универсум, не являются инструментами в традиционном смысле, они не используются для практических целей, таких, как строительство, например. Обычно о них говорится как о самостоятельных творениях Бога³³. В связи с этим возникает вопрос о причине, по которой они называются

³² «*Machinae autem per quas aedificatum est, transierunt... Omnia haec machinae deputantur, ut aedificaretur per has machinas illud quod manet in aeternum. Haec autem resurrectio Domini nostri Jesu Christi in coelo posita est*» (Aug. Sermones de diversis; PL 039, 1615). См. также (Sermones de diversis; PL 039, 1519); (Enarrationes in Psalmos; PL 037, 1084); (De doctrina Christiana, I, 39; PL 034, 36); (De sermone Domini in monte, I, 2; PL 034, 1233) и т.д.

³³ См. (Auctor incertus, De laudibus Domini; PL 6, 45C); (Auctor incertus, Hymnus ad Matutinum; PL 17, 1177); (Auctor incertus, De vocatione gentium; PL 17, 114B–C); (Coelus Sedulius, Carmen Paschale; PL 19, 577A); (Auctor incertus (Rufius Aquileiensis) Commentarius in Joel prophetam; PL 21, 1049A, 1051B); (Auctor incertus (Hieronimus Stridonensis) Regula monachorum, 30, PL 394A–B).

*machinae*³⁴. Кажется, что универсум, небо и другие творения Бога могут быть рассмотрены как инструменты в более широком смысле. О них можно говорить как об орудиях для реализации Божественного замысла, неизвестного людям. Здесь мы сталкиваемся с кардинальной трансформацией античных представлений о космосе и его частях. Как уже отмечалось, в античной культуре и космос в целом, и любой природный объект мыслились как самодостаточные сущности, имеющие причину своего движения и изменения в самих себе³⁵. В средневековой культуре причина их движения приобрела внешний по отношению к ним характер, оказавшись за их пределами, другими словами, природные объекты стали подобны механизмам по своей структуре.

Прежде чем двигаться дальше, обобщим сделанные наблюдения. Мы видели, что семантическая структура слова *machina* существенно изменяется при переходе от Античности к Средним векам. В частности, мы находим в средневековых текстах концептуальные метафоры трех типов, связанные с этим словом: метафора замыслов (обычно нечестивых) как осадной машины; метафора духовного строительства как строительства в материальном мире и духовного акта как вспомогательного инструмента в этом строительстве; метафоры мира, неба, тела, животного как механизмов. Эти трансформации сложно объяснить сдвигами в социально-экономической сфере: период с конца II по первую треть V в. известен как закат Римской империи, и называть его временем технологического прогресса было бы странно. Более того, проанализированные выше тексты не оставляют никакого сомнения в том, что технологический базис для новых метафор остался таким же, как и в Античности (осадные машины и т. д.). Происходящие изменения затрагивают наиболее фундаментальные константы культуры, открывая новые возможности для интерпретации старых объектов. Трансформация базовых элементов культурной модели от Античности к Средним векам ведет к большому числу локальных трансформаций и обеспечивает актуализацию связей, которые до этого находились в латентном состоянии.

Анализ текстов XII в. подтверждает и уточняет сделанные наблюдения. Легко заметить, что и число появлений слова *machina* в текстах, и процент употребляющих это слово авторов заметно возрастает. Семантические модели, которые были неочевидными и предполагали наличие специальных контекстов в раннем Средневековье, теперь воспринимаются как привычные и используются без специальных оговорок в широком круге текстов. Обратимся к более подробному анализу.

В приведенной выше таблице мы можем видеть два значительных изменения в семантических «весах» трех выделенных групп значений в сопоставлении с концом II – первой третью V в³⁶.

Во-первых, вторая группа в определенной степени теряет свою значимость (мы видим одновременно уменьшение и числа авторов, и числа употреблений). Этот факт может быть объяснен институциональной и догматической консолидацией Западной церкви. Изматывающая борьба с ересями постепенно уходит в историю, христианская

³⁴ В некоторых случаях слово *machina* может быть понято как указание на громадную массу объекта аналогично употреблению у Лукреция. См., например, описание слона в «Гексамероне» Амброзия Медиоланского: «И он не сгибает своих коленей, потому что его голени должны быть тверды как колонны, чтобы они могли нести громадную массу его тела (*quo velut columnis tanta possit membrorum machina sustineri*)» (Ambrosius Mediolanensis, Hexameron; PL 14, 253 B–C). Однако такое объяснение оказывается корректным только для небольшого числа случаев.

³⁵ На первый взгляд, творение мира божественным Творцом (δημιουργός) в «Тимее» Платона (Tim., 27d–29d) противоречит этому утверждению. Однако этот Творец появляется только в прологе, а затем космос описывается как самодостаточное живое существо с душой и телом.

³⁶ Резкое возрастание числа употреблений, относящихся к первой группе значений, не выражает какой-либо тенденции. Большинство подобных случаев (90 из 169) фиксируется в двух исторических хрониках: «Historia rerum gestarum in partibus transmarinis» Гийома Тирского и «Historia ecclesiastica» Ордерика Виталиса. Сопоставимый с данным массив исторических текстов отсутствует в рассмотренный выше период.

доктрина обретает жесткий каркас. В связи с этим метафоры осады и битвы становятся менее востребованными.

Во-вторых, третья группа становится более влиятельной: и общее число употреблений, и процент авторов (по отношению ко всем авторам, представленным в данных томах) ощутимо возрастают, и такие выражения как *machina mundi*, *rerum machina* используются уже почти как клише³⁷. Спектр объектов, к которым применяется метафора механизма, выглядит следующим образом: универсум (*mundus*) – 51 случай из 67 (76,1%); Церковь (*Ecclesia*) – 8 случаев (11,9%)³⁸; тело (*corpus*) – 4 случая (6%)³⁹; небо (*coelum*) – 2 случая (3%)⁴⁰; человечество (*humanitas*) – 1 случай (1,5%)⁴¹; храм (*templum*) – 1 случай (1,5%)⁴². Относительным изменением по сравнению с аналогичным спектром конца II – первой трети V в. оказывается трактовка авторами, принадлежащими данному периоду, Церкви как механизма. Например:

Несущие колонны в этом доме – епископы, поддерживающие здание Церкви (*machinam Ecclesiae*) словом и делом (Sicardus Cremonensis, *Mirale sive Summa de officiis ecclesiasticis*; PL 213, 22B).

Мы можем заметить любопытную инверсию, произошедшую здесь в области-источнике: если в Античности механизмы воспринимались как скульптурные или архитектурные объекты, то теперь архитектурные сооружения называются *machinae*. Это, разумеется, частная, но весьма показательная иллюстрация описанных выше трансформаций базовых элементов культурной модели от Античности к Средним векам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дальнейшая история эволюции механистических метафор хорошо известна. Такие метафоры, как «мир – это машина», «человек – это машина», «тело – это машина», становятся широко распространенными в эпоху Ренессанса (например, в трактатах Леонардо да Винчи)⁴³ и раннего Нового времени и, как мы уже отмечали во введении, в значительной степени формируют облик европейской философии и политической мысли XVII–XVIII вв. Труды Декарта, Лейбница, французских просветителей, политические трактаты Гоббса и Руссо насыщены подобными метафорами, которые начинают проникать из философских текстов также и в повседневную жизнь: см. об этом [Brandt 1986; Bertman 1991; Des Chene 2001; Smith, Nachtomy (eds.) 2010]. Однако основания для их интенсивного роста заложены в христианской культурной модели. Для иллюстрации этого утверждения я хотел бы обратиться к философии Лейбница. Он неоднократно называет тело и душу *automata*⁴⁴, т. е. считает их механизмами определенного рода и полагает, что они не могут взаимодействовать непосредственно, обосновывая согласованность их действий законом предустановленной гармонии:

Г-н Жакло в своей книге о соответствии разума и веры очень хорошо показал, что это совершается так же, как если бы кто-либо, зная все то, что я прикажу на другой день своему слуге, сделал автомат, который был бы совершенно похож на этого слугу и который на другой день со всей точностью выполнил бы то, что я ему прикажу <...> Как тот автомат, который исполняет

³⁷ См., например (Alanus de Insulis, *De planctu naturae*; PL 210, 445A); (Absalon Spinckirsbacensis, *Sermones*; PL 211, 173C–D); (Petrus Pictaviensis, *Sententiae*; 211, 958C).

³⁸ См. (Gerhohus Reicherspergensis, *Expositio in Psalmos*; PL 194, 595A); (Philippus de Harveng, *Commentaria in Cantica canticorum*; PL 203, 221B) и т. д.

³⁹ См. (Hugo Eterianus, *De anima corpore exuta*; PL 202, 208B); (Robertus Pullus, *Sententiae*; PL 186, 691A) и т. д.

⁴⁰ См. (Petrus Lombardus, *Commentaria in Psalmos*; PL 191, 1196C); (Aelredus Rievallensis, *De bello Standardii*; PL 195, 704C–D).

⁴¹ См. (Alanus de Insulis, *Anticlaudianus*; PL 210, 499D).

⁴² См. (Nicolaus Claraevallensis, *In nativitate Domini*; PL 184, 827D–828C).

⁴³ См. об этом [Гарэн 1986: 236–255, особ. 250–252].

⁴⁴ См. [Лейбниц 1989: 392], а также [Лейбниц 1982: 416, 424–425; 1989: 138, 161, 167–170].

функции слуги, будет зависеть от меня идеально, в силу знания того, кто, предвидя мои будущие приказания, сделал его способным служить мне с определенного момента на весь следующий день, так и знание моих будущих желаний побуждает к деятельности того великого творца, который затем создаст автомат: мое влияние при этом будет объективное, а его – физическое. Ибо, поскольку душа обладает совершенством и отчетливыми мыслями, Бог приноровил тело к душе и заранее устроил его так, что оно расположено исполнять приказания души; а поскольку душа несовершенна и ее представления смутны, Бог приноровил душу к телу таким образом, что душа увлекается страстями, возникающими из телесных представлений; это-то и производит такое действие и такое кажущееся состояние, как будто бы одно зависит от другого непосредственно и в силу физического влияния. Именно посредством этих смешанных мыслей душа представляет себе окружающие ее тела [Лейбниц 1989: 167–169].

Я думаю, не будет большим преувеличением сказать, что модель Лейбница в основе своей представляет собой весьма изощренную философскую актуализацию новых возможностей, открытых христианством в Средние века. Идея предустановленной гармонии и, в частности, метод гармонизации действий тела и души выглядят как трансформация средневекового образа Бога-Творца, предельного основания всех событий и действий, осуществляющихся в мире.

В заключение хотелось бы вернуться к двум обозначенным в начале работы проблемным полям и подвести общие итоги.

Первый из выводов относится к области философии и истории культуры. Проведенный анализ показывает, что авторы упомянутых во введении инвектив, осуждающие культуру Нового времени за крайний рационализм и механицизм, заметно упрощают ситуацию. Истоки этого механицизма и рационализма находятся в культуре Средних веков, опиравшейся на христианскую мировоззренческую парадигму⁴⁵. Разумеется, актуализация новых возможностей, предоставляемых христианством, могла осуществляться по-разному, и интенсивность этой актуализации прочно связана с происходящими в XIII–XVIII вв. социально-экономическими и социокультурными процессами⁴⁶. Однако сделанное замечание не отменяет общего тезиса о значимости христианских истоков механистического мировоззрения.

Второй вывод относится уже непосредственно к теории концептуальной метафоры Лакоффа – Джонсона. Анализируя эволюцию таких метафор, как «мир – это машина», «тело – это машина», «животное – это машина», мы видели, что причины для их появления и дальнейшей трансформации не связаны непосредственно с сенсомоторным опытом человека или с его социально-экономической деятельностью. Их основанием послужили такие абстрактные и далекие от повседневной жизни культурные сценарии, как творение Богом мира⁴⁷. Следовательно, базовые постулаты теории Лакоффа – Джонсона оказываются не всегда корректными и требуют дополнения и уточнения.

Последнее утверждение следует конкретизировать. На первый взгляд, между проведенным в работе анализом и основами теории концептуальной метафоры нет существенного расхождения. Мы имеем дело с типичной концептуальной метафорой: область-

⁴⁵ Дополнительным аргументом для этого утверждения является изменение отношения к числу на рубеже Античности и Средних веков, ведущее к потере числом своей эйдетики и его алгоритмизации. См. об этом [Глебкин 2009]; ср. [Касатонов 2011: 13–14].

⁴⁶ В этой связи интересно проследить эволюцию механистических метафор в культуре Византии. Можно предположить, что они не играли там роли, сопоставимой с западным Средневековьем.

⁴⁷ Разумеется, появление новых механизмов в XVIII–XX вв. активно влияет на распространение механистических метафор, порождая новые семантические модели и создавая линии эволюции механистических метафор, дополнительные к описанной. Более того, появление пантеистических моделей (таких, как философия Спинозы, например), кажется, возвращает нас к ситуации самодостаточного космоса, вызывающей прямые ассоциации с Античностью. Тем не менее в этом случае место Бога занимает Природа, а остальные объекты остаются механизмами, служащими воплощению ее замыслов. Эта связь ясно видна, например, в упомянутом во введении фрагменте «Левиафана» Гоббса.

источник (конструирование, структура и работа машины), область-цель (творение Богом мира) и система проекций первой области на вторую. Однако такая схема носит слишком общий характер и немного объясняет в процессе метафоризации. Во-первых, деятельность машины может задавать разные направления концептуализации. В Античности, как мы видели, это направление выразилось в идее оригинального замысла, изобретательного решения. То, какие элементы в семантической структуре слова актуализируются, определяется весьма сложной системой факторов, в которой в данном случае доминируют абстрактные культурные сценарии. Другими словами, то, что мир воспринимается как *machina*, связано не с возросшей ролью механизмов в повседневной жизни, а с тем, что представления о структуре космоса кардинально изменились, и здесь, скорее, область-цель выступила в качестве генератора трансформаций, ища для себя подходящую область-источник. Во-вторых, будучи первоначально производным от работы конкретных механизмов, представление о мире как механизме и Боге как его творце, гениальном Инженере, в дальнейшем стало для культуры базовым и превратилось в основание для других метафор, т. е. переместилось в область-источник из области-цели.

Если распространить высказанные идеи на процесс семантической эволюции в целом, следует обратить внимание на еще одно слабое место в модели Лакоффа – Джонсона. Эта модель исходит из представления о языке как гомогенном с социокультурной точки зрения образовании. Однако такое допущение оказывается слишком сильным для построения динамической семантической теории, отражающей эволюцию языка не как вневременной структуры, а в режиме «реального времени». Лакофф и Джонсон опираются на представление о едином для всех представителей одного языкового ареала языке, универсальном средстве внутрикультурной коммуникации. Однако мы можем выделить в таком языке различные области, связанные с различными типами деятельности, различными коммуникативными моделями. Заместно упрощая ситуацию, я проиллюстрирую основную идею на примере трех подструктур: повседневный язык, отражающий повседневную жизнь, философские тексты, за которыми стоят базовые для культуры мировоззренческие идеи, художественная литература, также формирующая мировоззренческие и поведенческие нормы, но не с помощью теоретических конструкций, а посредством художественных образов. Каждая из этих подструктур обладает определенной степенью самостоятельности и одновременно возможностью экспансии в другие области, открывающей новые возможности для укоренившихся там культурных и семантических моделей. И хотя движение от повседневного языка к философским и литературным текстам является, судя по всему, доминирующим, мы не должны забывать и об обратных процессах, также весьма существенных для понимания эволюции семантической системы в целом⁴⁸. Лишь когерентное описание динамики развития всех базовых подсистем, учитывающее их влияние друг на друга, даст нам возможность корректного динамического описания семантической системы языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайденко 2003 – П.П. Гайденко. Научная рациональность и философский разум. М., 2003.
 Гарэн 1986 – Э. Гарэн. Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986.
 Глебкин 2002 – В.В. Глебкин. Теоретическое мышление как культурно-исторический феномен. Дис. ... канд. филос. наук. М., 2002.
 Глебкин 2007а – В.В. Глебкин. Мещанство // Культурология. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 2007.
 Глебкин 2007б – В.В. Глебкин. Пошлость // Культурология. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М., 2007.
 Глебкин 2009 – В.В. Глебкин. Число у Плотина и Августина // Число. М., 2009.

⁴⁸ О воздействии литературных моделей на повседневное поведение см. [Лотман 1994: 331–384; 1996: 106–122]. О решающем влиянии литературных и политических текстов на семантическую эволюцию таких слов, как *пошлость* и *мещанство*, см. [Глебкин 2007а; 2007б].

- Гоббс 1991 – Т. Гоббс. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1991.
- Гуссерль 1994 – Э. Гуссерль. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.
- Касатонов 2011 – В.Н. Касатонов. Метафизическая математика XVII в. М., 2011.
- Ключевский 1987–1990 – В.О. Ключевский. Сочинения в 9 т. М., 1987–1990.
- Лейбниц 1982 – Г.-В. Лейбниц. Монадология // Г.-В. Лейбниц. Сочинения в четырех томах. Т. 2. М., 1982.
- Лейбниц 1989 – Г.-В. Лейбниц. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Г.-В. Лейбниц. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М., 1989.
- Лотман 1994 – Ю.М. Лотман. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
- Лотман 1996 – Ю.М. Лотман. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XX века // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). М., 1996.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).
- Толстой 1965 – Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в двадцати томах. Т. 17. Письма. М., 1965.
- Хоркхаймер, Адорно 1997 – М. Хоркхаймер, Т. Адорно. Дialeктика Просвещения. М.; СПб., 1997.
- Angier 2008 – T. Angier. Aristotle's ethics and the crafts: A critic. Ph.D. diss. Toronto, 2008.
- Barsalou 1999 – L. Barsalou. Perceptual symbol systems // Behavioral and brain sciences. 1999. V. 22.
- Barsalou 2010 – L. Barsalou. Grounded cognition: Past, present and future // Topics in cognitive science. 2010. V. 2. № 4.
- Barsalou et al. 2008 – L. Barsalou, A. Santos, K. Simmons, Ch. Wilson. Language and simulation in conceptual processing // M. de Vega, A. Glenberg, A. Graesser (eds.). Symbols and embodiment: Debates on meaning and cognition. Oxford; New York, 2008.
- Bergen 2007 – B. Bergen. Experimental methods for simulation semantics // M. Gonsales-Marquez, I. Mittelberg, S. Coulson, M. Spivey (eds.). Methods in cognitive linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 2007.
- Bertman 1991 – M. Bertman. Body and cause in Hobbes: Natural and political. Wakefield (New Hampshire), 1991.
- Brandt 1986 – F. Brandt. Thomas Hobbes's mechanical conception of nature. Copenhagen, 1986.
- Cook 2007 – J. Cook. Machine and metaphor: The ethics of language in American realism. New York, 2007.
- Deignan 2003 – A. Deignan. Metaphorical expressions and culture: An indirect link // Metaphor and symbol. 2003. V. 18. № 4.
- Des Chene 2001 – D. Des Chene. Spirits and clocks: Machine and organism in Descartes. Ithaca, 2001.
- Dictionary 1968 – Oxford Latin dictionary. Oxford, 1968–.
- Evans 2009 – V. Evans. How words mean: Lexical concepts, cognitive models, and meaning construction. Oxford; New York, 2009.
- Geeraerts 2006 – D. Geeraerts. Words and other wonders: Papers on lexical and semantic topics. Berlin; New York, 2006.
- Geeraerts, Cuyckens 2007 – D. Geeraerts, H. Cuyckens. Introducing cognitive linguistics // D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.). The Oxford handbook of cognitive linguistics. Oxford; New York, 2007.
- Geeraerts, Grondelaers 1995 – D. Geeraerts, S. Grondelaers. Looking back at anger. Cultural traditions and metaphorical patterns // J. Taylor, R. MacLaury (eds.). Language and the construal of the world. Berlin, 1995.
- Gevaert 2005 – C. Gevaert. The ANGER IS HEAT question: Detecting cultural influence on the conceptualization of ANGER through diachronic corpus analysis // N. Delbecq, J. van der Auwera, D. Geeraerts (eds.). Perspectives on variation: Sociolinguistic, historical, comparative. Berlin; New York, 2005.
- Gibbs 2006 – R. Gibbs. Embodiment and cognitive science. Cambridge; New York, 2006.
- Gibson 1979 – J. Gibson. The ecological approach to visual perception. Boston, 1979.
- Glenberg et al. 1987 – A. Glenberg, M. Meyer, K. Lindem. Mental models contribute to foregrounding during text comprehension // Journal of memory and language. 1987. V. 26. № 1.
- Haken et al. (eds.) 1993 – H. Haken, A. Karlqvist, U. Svedin (eds.). The Machine as metaphor and tool. Berlin; New York, 1993.
- Hampe, Grady (eds.) 2005 – B. Hampe, J. Grady (eds.). From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics. Berlin; New York, 2005.

- Heine 1995 – B. Heine. Conceptual grammaticalization and prediction // J. Taylor, R. MacLaury (eds.). Language and the cognitive construal of the world. Berlin; New York, 1995.
- Johnson 1987 – M. Johnson. The body in the mind. Chicago; London, 1987.
- Johnson 2005 – M. Johnson. The philosophical significance of image schemas // B. Hampe, J. Grady (eds.). From perception to meaning: image schemas in cognitive linguistics. Berlin; New York, 2005.
- Johnson 2007 – M. Johnson. The meaning of the body: aesthetics of human understanding. Chicago; London, 2007.
- Kövecses 2005 – Z. Kövecses. Metaphor in culture: universality and variation. Cambridge; New York, 2005.
- Kövecses 2010 – Z. Kövecses. Metaphor: a practical introduction. Oxford, 2010.
- Lakoff 1987 – G. Lakoff. Women, fire and dangerous things. Chicago; London, 1987.
- Lakoff, Johnson 1980 – G. Lakoff, M. Johnson. Metaphors we live by. Chicago; London, 1980.
- Lakoff, Johnson 1999 – G. Lakoff, M. Johnson. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. New York, 1999.
- Liddell, Scott 1961 – H.G. Liddell, R. Scott (eds.). A Greek-English lexicon. Oxford, 1961.
- Maltock 2004 – T. Maltock. Fictive motion as cognitive simulation // Memory and cognition. 2004. V. 32.
- Musolff 2010 – A. Musolff. Metaphor, nation and the holocaust: the concept of the body politic. New York, 2010.
- Musolff, Zinken (eds.) 2009 – A. Musolff, J. Zinken (eds.). Metaphor and discourse. Basingstoke; New York, 2009.
- Quinn 1991 – N. Quinn. The cultural basis of metaphor // J. Fernandez (ed.). Beyond metaphor: the theory of tropes in anthropology. Stanford (California), 1991.
- Patrologia Latina – Patrologia Latina / Ed. by J.-P. Migne. V. 1–217. Paris, 1844–1855; Patrologia Latina database. 5 CD. Alexandria (Virginia), 1995 (электронный ресурс).
- Rizzolatti, Craighero 2004 – G. Rizzolatti, L. Craighero. The mirror-neuron system // Annual review of neuroscience. 2004. V. 27.
- Rizzolatti, Fabbri-Destro 2010 – G. Rizzolatti, M. Fabbri-Destro. Mirror neurons: from discovery to autism // Experimental brain research. 2010. V. 200.
- Rizzolatti, Sinigaglia 2007 – G. Rizzolatti, C. Sinigaglia. Mirror neurons and motor intentionality // Functional neurology. 2007. V. 22. № 4.
- Roberts 2007 – C. Roberts. Wisdom in practice: Socrates' conception of *Technē*. Ph.D.diss. Kingston, 2007.
- Roochnik 1996 – D. Roochnik. Of art and wisdom: Plato's understanding of *technē*. University Park (Pennsylvania), 1996.
- Rosch 1978 – E. Rosch. Principles of categorization // Cognition and categorization. Hillsdale (N.J.); New York, 1978.
- Smith, Nachtomy (eds.) 2010 – J. Smith, O. Nachtomy (eds.). Machines of nature and corporeal substances in Leibniz. Dordrecht, 2010.
- Sweetser 1990 – E. Sweetser. From etymology to pragmatics: metaphorical and cultural aspects of semantic structure. Cambridge; New York, 1990.
- Winters 2010 – M. Winters. Introduction: on the emergence of diachronic cognitive linguistics // M. Winters, H. Tissari, A. Berlin (eds.). Historical cognitive linguistics. New York, 2010.
- Yeh, Barsalou 2006 – W. Yeh, L. Barsalou. The situated nature of concepts // The American journal of psychology. 2006. V. 119. № 3.
- Yu 2009 – N. Yu. From body to meaning in culture: papers on cognitive semantic studies of Chinese. Amsterdam; Philadelphia, 2009.

Сведения об авторе:

Владимир Владиславович Глебкин
Гимназия № 1514
gleb1514@gmail.com